

Классификация типичных задач судебной лингвистической экспертизы

Е. В. Новожилова

*Российский государственный гуманитарный университет
Миусская пл., 6, 125997, Москва, Россия. E-mail: elena.v.novozhilova@yandex.ru*

Самая большая проблема в теории судебной лингвистической экспертизы – отсутствие единой классификации экспертных задач. Поскольку понятие экспертной задачи предшествует понятиям метода и методики, то очевидно, что без упорядочения задач невозможно дальнейшее теоретическое осмысление этой предметной области.

Цель статьи – теоретическая ревизия данной темы. Приводятся определения понятия «экспертная задача», перечисляются общие для всех родов и видов судебных экспертиз основания классификации задач. Затем рассматриваются те варианты классификации, которые можно найти в современных методических и учебных пособиях по лингвистической экспертизе («Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе» РФЦСЭ при Минюсте России, учебник Е. И. Галяшиной, методическое пособие ЭКЦ МВД России). Эти варианты оцениваются с точки зрения логики и с точки зрения соответствия криминалистической и филологической научной основе. Делается вывод о пригодности одних и непригодности других вариантов: целесообразно пользоваться классификацией, предложенной ЭКЦ МВД России (задачи на денотативный, оценочный, иллокутивный и экстралингвистический компонент речевого объекта). Также делается вывод о непродуктивности деления по материально-правовому основанию (задачи по делам об экстремизме, по делам о клевете, по делам, связанным с расследованием коррупционных преступлений, и т. п.), так как подобное понимание экспертных задач приводит к систематическому выходу эксперта-лингвиста за пределы его собственной компетенции в сферу права и навязывает ему роль сведущего следователя.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, юрислингвистика, экспертная задача, классификация.

Classification of Typical Tasks of Forensic Linguistics

E. V. Novozhilova

*Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya Sq., Moscow, Russia. E-mail: elena.v.novozhilova@yandex.ru*

The main problem in forensic linguistic theory is the lack of an agreeable classification of expert tasks. Since the concept of expert task precedes concepts of method and methodology, it is clear that without regularizing tasks, further theoretical understanding of this subject area is impossible.

The purpose of our article is a theoretical revision of this topic. Definitions of the term "expert task" are specified, and bases for classifying tasks common to all kinds and types of forensic examination are listed. We've checked classification options found in modern methodological and teaching publications on forensic linguistics in Russian ("Semantic Research in Forensic Linguistic Expertise" by RFCFS of the Russian Ministry of Justice, textbook by prof. Elena Galyashina, manual by ECC of the Russian Ministry of Internal Affairs). We've evaluated their logical correctness and compliance with the criminalistic and philological scientific basis. The conclusion is made about the suitability of some and unsuitability of other options: it is better to use the classification proposed by ECC of the Russian Ministry of Internal Affairs (tasks on denotative, evaluative, illocutionary, and extralinguistic components of a speech object). We've also concluded that it is unproductive to classify forensic linguistic tasks on a substantive law basis (tasks in cases of extremism, cases of libel, cases of corruption crimes, etc.). Such an understanding of expert tasks leads to systematic work outside of expert competence, in the field of law: an expert linguist plays the role of a competent investigation officer.

Key words: forensic linguistics, forensic speech examination, expert task, classification.

В общей теории судебной экспертизы (судебной экспертологии) задача определяется как деятельность, направленная на «преобразование потенциальной доказательственной информации», которая содержится в исследуемых объектах и материалах, «в актуальную доказательственную информацию» [Зинин 2002: 24]. Как нам представляется, деятельность – это все-таки ход решения экспертной задачи, сама же она показывает необходимость такой деятельности. Данное определение связывает задачу с одной из двух эмпирических категорий – исследуемым объектом.

Еще одно определение связывает экспертную задачу со второй эмпирической категорией – вопросом, который ставится на разрешение эксперта: «задача есть научно обобщенное объяснение смысла наиболее типичных вопросов» [Зинин 2002: 25]. Понятия вопроса и задачи соотносятся друг с другом так же, как, например, действующее лицо и функция действующего лица в «Морфологии сказки» В. Я. Проппа: вопросов эксперту может быть бесконечно много, но круг экспертных задач ограничен.

Экспертная задача – это теоретическое понятие. В любой разновидности судебной экспертизы задачи классифицируются по четырем основаниям – по степени общности, по искомому, по условию и по значению устанавливаемых фактов. Первое основание отражает типологию самих экспертиз: задачи рода называются общими, задачи вида – типичными, задачи каждого конкретного исследования – конкретными [Россинская 2016: 88]. Классификация по второму основанию – по искомому – происходит из материнских криминалистических наук, благодаря чему судебная экспертиза сохраняет свою криминалистическую суть: задачи делятся на несколько видов, главные из которых идентификационные и диагностические [Зинин 2002: 26], [Аверьянова 2015: 164-175]. Классификация по условию связана с конкретными условиями каждой конкретной задачи и с теми объектами и вопросами, которые получил эксперт: здесь проявляются различия между уровнями типичного и конкретного, и задачи делятся на стандартные и эвристические [Зинин 2002: 26-27] (возможна и более сложная градация [Красса 2012]). И, наконец, по значению устанавливаемых в процессе исследования фактов – относительно общей цели экспертизы – задачи могут быть конечными, промежуточными и вспомогательными [Моисеева 2016: 32].

Рассмотрим классификацию типичных лингвоэкспертных задач. Поскольку общее «древо» типологии судебных экспертиз живое и подвижное, необходимо пояснить, что под типичными здесь подразумеваются все среднеуровневые лингвистические задачи: более высокого уровня, чем конкретные, и более низкого, чем общеродовая задача судебной лингвистической экспертизы.

Общекспертные основания для классификации не помогают упорядочить все разнообразие конкретных задач, которые рождает практика. А материально-правовое и прежде всего уголовно-правовое деление (задачи по делам об экстремизме, по делам о клевете, по делам, связанным с расследованием коррупционных правонарушений, и т. п.) не способствует пониманию сути экспертных задач и лишено системности, поскольку уголовное право не является материнской наукой для судебной экспертизы.

Важнейший источник обновления судебно-экспертной теории – это рутинная практика и основанные на ней методические наработки. Поэтому нам следует рассмотреть рамочные методические и учебные пособия по лингвистической экспертизе, где затрагивается тема экспертных задач.

В предисловии к методическому изданию РФЦСЭ «Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе» авторы ссылаются на суждения наиболее авторитетных коллег – А. Н. Баранова о том, что «все методы лингвоэкспертного исследования сводимы к процедуре синонимических преобразований», и О. В. Кукушкиной о том, что «базой современной методологии лингвистической экспертизы <является> семантический подход» [Плотникова 2018: 6-7]. Лингвисты РФЦСЭ констатируют, что отрасль в целом развивается по «семантическому вектору», и считают необходимым сохранить единый семантический подход – с учетом того, что «экспертные задачи всегда ситуативно обусловлены и требуют привлечения широкого спектра разнообразных технологий».

Затем указываются «родовой предмет судебной лингвистической экспертизы» – «установление имеющих значение для уголовного, гражданского, арбитражного дела либо дела об административных правонарушениях фактов (фактических данных) путем исследования продуктов речевой деятельности» – и «видовой предмет», «т. е. предмет семантических экспертных исследований» – «установление имеющих значение для уголовного, гражданского, арбитражного дела либо дела об административных правонарушениях фактов (фактических данных) путем исследования семантического аспекта продуктов речевой деятельности» [Плотникова 2018: 23]. В соответствии с этим делением семантические исследования – это вид лингвистической экспертизы; поскольку иные виды авторы не называют, то он оказывается единственным. Тогда лингвистическая экспертиза – это и есть семантические исследования (подобная ошибка называется подменой тезиса).

Авторы продолжают: «Предмет экспертизы очерчивает основные (типовые) экспертные задачи», которые могут быть четырех разновидностей:

«I. Выявление значения (смысла) единиц различных уровней: слова, словосочетания, предложения (высказывания), текста.

II. Установление наличия/отсутствия в тексте информации определенного типа/содержания.

III. Выявление значения/формы выражения значения и отнесение их к определенному классу.

IV. Установление степени адекватности передачи в одном тексте смысла другого текста (семантическое сравнение речевых произведений)» [Плотникова 2018: 23].

Описание задач I и II частично совпадает: «выявление информации о лице / организации / группе лиц / предмете» и «содержится ли в тексте информация о группах лиц, выделяемых по определенному признаку, о насильственных, дискриминационных, разрушительных действиях, о лице, замещающем государственную должность» – это одна и та

же диагностическая задача семантического характера. Объясняя, в чем заключается принципиальное отличие I от II [Плотникова 2018: 25], авторы говорят, что II кроме собственно установления искомого значения предполагает еще и анализ «с точки зрения его соответствия/несоответствия, с одной стороны, интересующей судебно-следственные органы информации» (то есть выход эксперта за пределы собственной компетенции в сферу права), «с другой стороны, информации, важной с точки зрения решения определенной экспертной задачи» (логическая ошибка *idem per idem*).

Описание задачи III вызывает сомнения в правильности ее обособления как классификационно-диагностической семантической задачи. Во-первых, «юридически значимые языковые формы или значения» [Плотникова 2018: 26] выявляются при решении не только этой, но и вообще любых конечных лингвоэкспертных задач – ведь без юридического значения выводы эксперта неотнесимы и бесполезны. Во-вторых, в семантическом исследовании нельзя выявить побуждение (это категория из иной области языкознания – лингвистической прагматики), и тем более в решении семантической задачи не может участвовать эксперт-психолог. В-третьих, диагностирующие объекты в экспертизе всегда должны быть «заведомо не связанными с событием преступления» [Зинин 2002: 124] – здесь же, напротив, подчеркивается, что они «лежат в основе коммуникативных/речевых действий, соотносимых с определенными аспектами объективной стороны так называемых “речевых” преступлений и правонарушений» [Плотникова 2018: 26]. В-четвертых, здесь, по-видимому, совпадают понятия диагностирующего объекта и класса, к которому устанавливается принадлежность диагностируемых объектов. То есть логическая и криминалистическая суть этой задачи иная.

Из описания задачи IV явствует, что это не диагностическая, а идентификационная задача, потому что «при исследовании текстов на предмет плагиата», «созданных в одну и ту же дату протоколов» (копипасты), публикаций, которые, будучи внесены в Федеральный список экстремистских материалов, «воспроизводятся вновь путем трансформации» [Плотникова 2018: 27], правоприменителя интересует не семантическая «степень адекватности», а установление или исключение тождества таких объектов. Тождество – общая категория судебно-экспертной и криминалистической идентификации, и какие бы возражения ни высказывали эксперты-лингвисты [Бельская 2014: 7], упразднить ее нельзя. А постановка вопроса о тождестве текста (по выражению Н. Д. Голева, о «речевом воровстве» [Голев 2002]) вызывает сомнения в принадлежности данной задачи не только к семантическим исследованиям, но и к лингвистической экспертизе как таковой.

Эта попытка классификации типичных лингвоэкспертных задач не является удачной – деление логически противоречиво, не полностью соответствует криминалистической основе судебной экспертизы, его нельзя экстраполировать на все возможные варианты типичных и конкретных задач. Однако выделение задач на экспликацию значений (I) и поисковых задач (II) представляется правильным и важным для дальнейшей классификационной работы.

В учебнике Е. И. Галяшиной «Судебная лингвистическая экспертиза» приводится общеэкспертная классификация задач, в том числе по степени общности. Затем указываются общие задачи лингвистической экспертизы:

- «– установление значений языковых единиц, выявление и экспликация смысла высказывания или текста;
- установление объема и содержания понятия, выражаемого словом, словосочетанием;
- установление степени адекватности передачи в одном тексте смысла другого текста;
- установление характеристик обозначений (наименований), их тождества или различия, степени сходства»

[Галяшина 2021: 78].

Это уже известные нам семантические задачи I и IV, «повышенные» до родовых, причем задача I дублируется. Из перечня задач этого уровня исчезли поисковые (II) и «классификационные» (III). Последний же пункт относится к нейминговой экспертизе, которая может мыслиться или как часть лингвистической экспертизы, или как отдельный род; от этого зависит и упорядочение нейминговых задач, поэтому сейчас, в разговоре о лингвистической экспертизе, мы не будем останавливаться на этом подробно.

Типичные задачи автор предлагает классифицировать по «предметным видам». Это двухступенчатое деление, и верхняя его ступень правовая: «по делам о диффамации (клевете, защите чести, достоинства и деловой репутации): выявление негативной информации о лице/организации, установление формы выражения данной информации; по делам об экстремизме: выявление экстремистского значения, определение его речевого репрезентанта» и т. д. А на нижней ступени появляются задачи, не предусмотренные общеродовым перечнем: это и выявление информации определенного вида (поисковая задача – II по нумерации РФЦСЭ), и установление ее формы. В целом такая система типичных задач не имеет связи с родовыми.

Далее предлагается еще одна классификация типичных задач – основанная на общеэкспертном делении по искомому: классификационно-диагностические, собственно диагностические, ситуационно-обстановочные диагностические и идентификационные задачи [Галяшина 2021: 79].

Описание классификационно-диагностических задач совпадает с задачей III по нумерации РФЦСЭ и так же, как и в случае РФЦСЭ, вызывает сомнения в правильности обособления данных задач – установления «характеристик (свойств) объекта для отнесения его к общепринятому классу». Во-первых, эта процедура логически непротиворечива: здесь, по-видимому, совпадают понятия диагностирующего объекта и класса, к которому устанавливается принадлежность диагностируемых объектов. Во-вторых, такие классы – «экстремистские», «порочащие», «оскорбительные» значения – отнюдь не общеприняты: они не существуют как категории филологических наук, не

имеют единого понимания и в пределах общеизвестных знаний, и даже в самой лингвистической экспертизе (отсюда и написание в кавычках). В-третьих, любую диагностическую экспертную задачу можно представить как классификационную: по каждому признаку можно обособить два класса объектов – те, которые этим признаком обладают, и те, которые не обладают.

Описание собственно диагностических задач – как задач на «установление состояния объекта» – не вполне корректно криминалистически: «установление смысла текстовых единиц, значения языковых единиц, их стилистических характеристик» – это диагностика свойств объекта, а не его состояния, поскольку объекты лингвистической экспертизы неизменны, у них нет такого атрибута, как состояние.

Описание ситуационно-обстановочных диагностических задач, направленных «на реконструкцию внешней обстановки события», требует уточнения – что именно можно считать событием. Если это сама речь, то ее адресация не является внешним по отношению к ней явлением, и, соответственно, задача по определению адресации не будет «реконструкцией внешней обстановки события».

Описание идентификационных задач сближается с задачей IV по нумерации РФЦСЭ, но в отличие от нее здесь признается идентификационная суть исследования: «установление тождества или различия, ассоциативно-образной идентичности противопоставленных обозначений, определение степени ассоциативного, семантического, фонетического, графического сходства обозначений (наименований), сходства/различия смыслового содержания сравниваемых текстов и их единиц». Однако тут также необходимо уточнение. Результатом криминалистической и экспертной идентификации может быть только установление индивидуально-конкретного тождества объектов, их групповой принадлежности или отсутствия тождества (дифференциация). В этой процедуре нельзя установить ни «степень сходства» объектов, ни их «идентичность» по какому-либо отдельному признаку: подобные задачи идентификационными не являются.

На общей схеме классификации задач [Галяшина 2021: 80] родовые задачи лингвистической экспертизы, вопреки ранее сказанному, «понижаются» до видовых, при этом к первой задаче добавляется установление формы. Типичные задачи здесь представляют собой компромисс между классификацией РФЦСЭ и отдельными задачами, которые назывались в учебнике ранее.

Таким образом, учебник не предлагает единой и непротиворечивой системы задач, которая бы согласовывалась с криминалистической и с филологической основой судебной лингвистической экспертизы. Зато как одно из оснований для классификации предлагается материально-правовое (по категориям дел).

В методическом пособии ЭКЦ МВД указана единая родовая задача – «Лингвистическое исследование текста в целях решения вопросов смыслового понимания». Однако затем, под заголовком «Объекты исследования», поясняется, что речевые объекты могут быть рассмотрены по-разному:

- «как носители информации о событиях и ситуациях (предметом анализа является денотативный компонент текста);
- как содержащие оценочные характеристики лица или группы лиц либо свойств и действий лица или группы лиц (предметом анализа является оценочный компонент текста);
- как речевой акт (предметом анализа является иллокутивный компонент текста);
- как речевое событие, имеющее место при тех или иных обстоятельствах (предметом анализа является экстралингвистический компонент текста)» [Назарова 2010: 243].

Нам представляется, что здесь возникает синонимия понятий «предмет анализа» и «экспертная задача». Говоря о «предмете анализа», авторы фактически делят общеродовую экспертную задачу на четыре части, которые охватывают весь диапазон возможных типичных и конкретных лингвоэкспертных задач. Еще раз повторим это деление:

- денотативный компонент объекта;
- оценочный компонент объекта;
- иллокутивный компонент объекта;
- экстралингвистический компонент объекта.

Важно, что такое деление имеет системное лингвистическое основание: это действительно разные аспекты речи, которые могут раздельно исследоваться в материнских науках. Любой речевой или поликодовый объект и вне судебной экспертизы можно оценить с точки зрения содержания (пропозиционального содержания), выраженной оценки, иллокуции, а также с точки зрения коммуникативной ситуации, в которой он возник, существует или используется. В таком делении не обнаруживаются противоречия – логические, терминологические или какие-либо иные.

Мы видим, что единой классификации типичных задач судебной лингвистической экспертизы до сих пор не существует.

Между тем экспертная задача – это основное понятие частной теории судебной лингвистической экспертизы. Оно предшествует понятиям метода и методики: эксперт сначала должен понимать, что он делает, и лишь затем – как он это делает. Невозможно создать ни валидную экспертную методику, ни тем более систему методик, невозможно и упорядочить экспертную практику, не закрыв прежде всего этот огромный теоретический пробел.

Несомненно, что классификация типичных задач должна быть зримо и непротиворечиво связана с материнскими науками – криминалистическими и филологическими. Первая связь существует уже сейчас и проявляется, в частности, в том, что к лингвистическим задачам можно применить любую общеэкспертную классификацию

(унаследованную из криминалистических дисциплин). Вторая же не проявлена в достаточной мере. Однако она имеется в классификации, которую предложили эксперты-лингвисты ЭКЦ МВД.

Также заслуживает внимания деление экспертных задач на поисковые (поиск определенного значения в речевом объекте) и задачи по экспликации значений, содержащихся в объекте.

И наоборот, необходимо отказаться от логически противоречивых вариантов классификации – так же как и от тех, которые основаны на ошибочном понимании криминалистической идентификации и диагностики. Но прежде всего нужно отказаться от классификации по материально-правовому основанию: она приводит к систематическому выходу экспертов за пределы собственной компетенции в сферу права, а на уровне методологии закрепляет за экспертом новую роль – роль сведущего следователя.

Литература

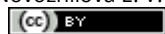
- Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М., 2015.
- Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика. М., 2020.
- Бельская Н. С. Применение аналитико-описательных методов в решении сравнительных задач судебного лингвистического исследования речевых произведений / Вестник Томского государственного университета. - 2014. - № 381. - С. 5-10.
- Галяшина Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза: учебник. М., 2021.
- Голев Н. Д. Правовое регулирование речевых конфликтов и юрислингвистическая экспертиза конфликтогенных текстов / Правовая реформа в Российской Федерации: общетеоретические и исторические аспекты: Межвузовский сборник статей. - Барнаул, 2002. - С. 110-123.
- Зинин А. М., Майлис Н. П. Судебная экспертиза. Учебник. М., 2002.
- Красса С. И. Методы судебной лингвистической экспертизы: практическая типология / Сборник научных трудов Sworld по материалам международной научно-практической конференции. - 2012. - Т. 40. - № 4. - С. 88-91.
- Моисеева Т. Ф. Основы судебно-экспертной деятельности: Конспект лекций. М., 2016.
- Назарова Т. В., Гримайло Е. А., Мамаев Н. Ю., Коршиков А. П., Ростовская А. В. Лингвистическая экспертиза: Лингвистическое исследование устных и письменных текстов / Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. - М., 2010. - Ч. 1. - С. 243-292.
- Плотникова А. М., Кузнецов В. О., Саженин И. И. и др. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе: Методическое пособие. М., 2018.
- Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология): учебник. М., 2016.

References

- Averyanova, T. V. (2015). Forensic expertise. General theory course. Moscow (in Russian).
- Averyanova, T. V., Belkin, R. S., Korukhov, Yu. G., Rossinskaya, E. R. (2020). Criminalistics. Moscow (in Russian).
- Belskaya, N. S. (2014). Application of analytical and descriptive methods in solving comparative problems of forensic linguistic research of speech objects. Bulletin of Tomsk State University, 381, 5-10 (in Russian).
- Galyashina, E. I. (2021). Forensic linguistics: textbook. Moscow (in Russian).
- Golev, N. D. (2002). Legal regulation of speech conflicts and jurislinguistic examination of conflict texts. Legal reform in the Russian Federation: general theoretical and historical aspects, 110-123 (in Russian).
- Krassa, S. I. (2012). Methods of forensic linguistics: practical typology. Collection of scientific papers SWORLD based on the materials of the international scientific and practical conference, 40, 4, 88-91 (in Russian).
- Moiseeva, T. F. (2016). Fundamentals of forensic expertise: Lecture notes. Moscow (in Russian).
- Nazarova, T. V., Grimajlo, E. A., Mamaev, N. Yu., Korshikov, A. P., Rostovskaya, A. V. (2010). Linguistic expertise: Linguistic examination of oral and written texts. Standard expert methods for the study of physical evidence, 1, 243-292 (in Russian).
- Plotnikova, A. M., Kuznetsov, V. O., Sazhenin, I. I., et. al. (2018). Semantic research in forensic linguistic expertise: methodological guide. Moscow (in Russian).
- Rossinskaya E. R., Galyashina E. I., Zinin, A. M. (2016). Theory of Forensic Science (Forensic Expertology): textbook. Moscow (in Russian).
- Zinin, A. M., Majlis N. P. (2002). Forensic expertise: textbook. Moscow (in Russian).

Citation:

Новожилова Е. В. Классификация типичных задач судебной лингвистической экспертизы // Юрислингвистика. – 2023. – 29. – С. 73-77.
Novozhilova E. V. (2023) Classification of Typical Tasks of Forensic Linguistics. Legal Linguistics, 29, 73-77.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License